

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дисклеймер	3
Глава 1. Кровавый Император	6
Глава 2. Солнечная Принцесса	32
Глава 3. Лаборатория «Небо»	56
Глава 4. Добро пожаловать в Партум	69
Глава 5. Побег	98
Глава 6. Враждебный город	116
Глава 7. Пробуждение	145
Глава 8. Его величество король Иоганн	162
Глава 9. Клеймо на сердце	192
Глава 10. Айлей и Дакота	225
Глава 11. Первая кровь	248
Глава 12. Недобрый путь	280
Глава 13. Вороний глаз	298
Глава 14. Верные союзники	318
Глава 15. Вороны	340
Глава 16. Сделка	367
Глава 17. Прощание	398
Глава 18. Неправильный выбор	419
Глава 19. Последствия	437
Глава 20. Побочный эффект	463
Глава 21. Сложные решения	480
Глава 22. Союзники и предатели	515
Глава 23. На пути к новой жизни	538
Глава 24. Жестокость — человеческая святыня	566
От авторки	572

ДИСКЛЕЙМЕР

В «Небесном берегу» поднимаются сложные темы, и я не хочу, чтобы вы чувствовали себя плохо в процессе и после чтения. Я писала эту историю не с целью навредить. И, если вы не уверены в своем психологическом состоянии, примите комфортное для вас решение.

В «Небесном берегу» есть описания:

- насилия и жестокости;
- сексуализированного насилия;
- психологического насилия;
- насилия над детьми;
- детальных убийств.

Также присутствует ненормативная лексика.

Издательство, ответственный редактор, литературная редакторка, а также я как авторка, не оправдывают насилие и ни к чему не призывают.

Книга является художественным вымыслом.

Алану. Надеюсь,
у тебя все в порядке.

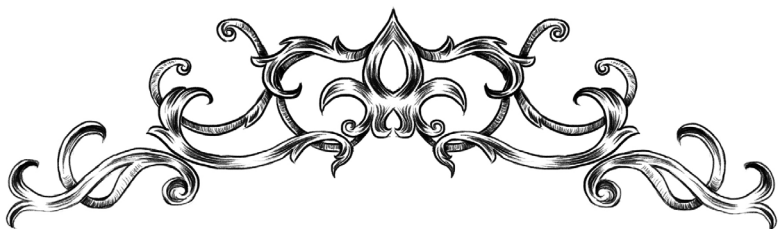
Самой важной в моей жизни
Кате. Без тебя бы ничего
не вышло. Ты лучшая.

Главный порок — это норма,
на которой он основан.

Платон. Государство

ГЛАВА 1

КРОВАВЫЙ ИМПЕРАТОР

— Кровавый Император! Кровавый Император! — скандировала толпа аристократов, поглощенная яростным возбуждением.

Тонкие лианы отслоились от пропитавшихся кровью стен арены и ринулись в сторону Эверлинга. Он ловко увернулся, взмахнул мечом и обрубил ветви. На лице заиграла жестокая усмешка: подобным его не победить, но попытка вышла хорошая. Парню, которого поставили против Эверлинга, было около двадцати, но рядом с Кровавым Императором он казался меньше и слабее.

Арена «Небесный берег» располагалась в самом центре Партума и являлась популярнейшей достопримечательностью Форты. Туристы сюда заезжали редко,

и арена их не воодушевляла, как коренных граждан. Однако люди из соседних городов неизменно шли к арене, чтобы посмотреть на нее хотя бы снаружи. Увидеть место, в котором под замком держали опасных магов, хотели если не все жители страны, то многие.

Толпа не замолкала ни на секунду:

— Кровавый Император! Кровавый Император!

Эверлинг предпочел бы не улавливать в диком реве собственное прозвище. Он никогда не достаивал толпу вниманием, словно смотреть на них — ниже его достоинства. В реальности все было с точностью до наоборот: аристократы часто кидали на него снисходительные взгляды, дарили пошлые улыбки. В такие моменты Эверлинг не задумывался об их желаниях, иначе не выдержал бы, как не выдерживал всякий раз, выходя на арену и кромсая чужие жизни. Власть имеющие непременно напоминали — он ничтожество, которое должно беспрекословно подчиняться тем, кто лучше, сильнее, влиятельнее.

Но на арене он был Императором. Всемогущим и жестоким.

Гул толпы отошел на второй план. Эверлинг подкинул меч, поймал, перехватив другой рукой. Ухмыльнулся: жадно, голодно, хищно. Губы застыли. Глаза заволокла стеклянная пелена. С начала битвы он ни разу не использовал магию. Раз толпа требовала зрелища, Эверлинг должен был его предоставить.

В несколько уверенных шагов он сократил расстояние между собой и противником, сделал выпад с мечом в руке — ложный — и отступил. Взгляд соперника молил о скорой и безболезненной смерти. У этой битвы мог быть один исход: победа Эверлинга и смерть его противника. Такую установку дал Ирмтон Пини, владелец «Небесного берега», перед тем, как выпустить Кровавого Императора из загона.

Парень, резко вздернув руку, хотел использовать магию.

Несколько еще целых лоз неизвестного Эверлингу растения шевельнулись. Лежащие перед ним ветви взмыли в воздух, развернулись острыми краями и полетели напрямик в глаза. Видя, как маленькие точки приближаются и становятся больше, Эверлинг даже не шелохнулся. Немигающим взглядом он наблюдал за атакой отстраненно, словно находился далеко за пределами арены. А потом рубанул по ветвям и направился к противнику, но затормозил на полпути: атака повторилась. Снова. Эверлинг с легкостью отразил ее. Снова.

Они повторили одни и те же движения еще дважды. Бой начал докучать Эверлингу. Паренек остановился: видимо, не мог придумать ничего интереснее. Он вряд ли умел толком драться — Эверлинг понял это, едва увидев его, такого хрупкого и напуганного.

Крик толпы на мгновение показался Эверлингу оглушительным. Он откинул меч, набросился на паренька

и несколько раз ударил под дых. Отскочил в сторону, обернулся, глянув на меч, и неоднозначно хмыкнул: хотел вернуться за оружием, а после использовать магию, но в итоге остался стоять на месте. Противник опустился на одно колено и тяжело задышал. Эверлинг вскинул ладонь, сжал в кулак, и паренек резко схватился за грудь, начав кашлять. Из горла вырывались сначала стоны, потом всхлипы. Эверлинг слишком часто слышал эти звуки, и его окаменевшее сердце давно перестало сжиматься из-за боли, которую он причинял другим.

Он разжал кулак, и его противник рухнул на землю. Толпа кричала: им было мало.

Им всегда мало.

Им всегда надо больше.

Эверлинг невольно повернулся в сторону, где стоял Ирмтон Пини, столкнулся с его суровым, холодным взглядом и понял: заканчивать нельзя, нужно больше зрелища, больше крови. Секунды, когда он понимал, что бой нужно продолжать, всегда были самыми невыносимыми.

Парень отдышался и попытался подняться, но почувствовал новый спазм и снова застонал. Эверлинг вальяжно подошел, пнул соперника три раза подряд — не сильно, скорее для виду — и присел на корточки. Он ощущал, как течет кровь внутри парня, как она замедляется, превращаясь в тугой ком, сделанный точно из стали.

— Последние слова? — нагнувшись к уху паренька, равнодушно спросил Эверлинг.

Он уже сбился со счета, сколько раз произносил эту фразу, сколько разных ответов слышал. Каждый был пропитан болью и затаенной надеждой на спасение.

— Уже?.. — послышался неуверенный ответ.

— Нет. Но вряд ли еще представится возможность.

Паренек быстро втянул столько воздуха, сколько мог. Пауза затянулась, и Эверлинг уже хотел нанести удар, но он произнес:

— Причини мне меньше боли, чем можешь. Пожалуйста.

Это была невыполнимая просьба. Но Эверлинг молча кивнул.

— Меня зовут Бенат. Мать говорила, мое имя означает «смелый как медведь», — продолжал парень. — Вдруг хотя бы ты будешь меня помнить после того, как убьешь.

Эверлинг ничего не ответил. Он помнил каждого, чью жизнь отнял, но ни у кого никогда не спрашивал имени. Бената он запомнит.

Говорить, что Бенат действительно очень смелый, Эверлинг не стал.

Снова столкнувшись взглядами с Ирмтоном Пини, он понял, что пора начинать то шоу, ради которого большинство сюда явилось. Эверлинг поднялся. Каждое убийство разрывало душу на части.

Бенат по-прежнему стоял на коленях. Сражаться с Кровавым Императором было бессмысленно: это знали все бойцы, находившиеся на арене. У Кровавого

Императора не было ни одного проигрыша за все длительное пребывание здесь. «Небесный берег» в каком-то смысле стал Эверлингу домом и сделал из него того, кем он являлся. Такое могли про себя сказать далеко не все. Многие не прекращали бояться ни на секунду — Эверлинг же не боялся никогда. Так, во всяком случае, говорили о нем те, кто смотрел со стороны.

По мановению его руки Бената швырнуло в стену, и Эверлингу послышался хруст костей. Рот у противника распахнулся, но крика не последовало. Эверлинг не хотел называть его по имени даже в мыслях, он вообще предпочел бы не знать его. Парень рухнул на землю, и Эверлинг сжал кулак снова: нарушил кровообращение. Кровь внутри стала жесткой.

Приблизившись, Эверлинг протянул к нему выпрямленную ладонь и сделал плавный оборот: руки у противника медленно начали выворачиваться под неестественным углом и ломаться. Парень кричал. Эверлинг не слышал крика боли за восторженным воплем зрителей. Сколько секунд прошло, прежде чем до ушей Эверлинга донесся заветный хруст костей, он не считал. Когда он сделал еще один плавный оборот ладонями, с ногами произошло то же самое. Крик паренька сливался с упоительным гулом толпы.

Эверлинг не раз думал, почему именно их, магов, бойцов на арене, называли монстрами, когда настоящие монстры сидели на трибунах и выглядели вполне

прилично. Их руки не были запятнаны в крови, одежда всегда была чистая, а лица сияли невинностью. Но внутри сидели демоны с острыми зубами и сверкающими глазами. Эти демоны готовы были вцепиться в глотки кому угодно, особенно тем, у кого не было влияния и власти.

Эверлинг снова швырнул его — в противоположную стену, ударил о пол и еще раз о стену. Каждый удар сопровождался хрустом костей. Бенат еще дышал. Эверлинг снова вывернул ему конечности одним движением руки. Сломал каждый палец по очереди. Сломал уже поломанные кости. Раздробил их. Сломал ребра. Сломал еще раз.

Тяжелыми шагами он подошел ближе. Хриплое, медленное дыхание сопровождалось свистами, изо рта текла кровь. Глаза с трудом держались полуоткрытыми. Эверлинг не давал обещания причинить меньше боли, он просто выслушал последние слова. День оказался слишком жарким. Эверлинг на мгновение закрыл ладонью глаза и выдохнул.

А после убил Бената.

Знакомая усталость растеклась внутри, захотелось рухнуть на колени, завывать, заснуть и больше не просыпаться. Но он продолжил неподвижно стоять. Такое случалось каждый раз, когда противники выпускали последний вздох. Эверлинг хотел умереть следом.

Аристократы вскричали, кто-то повскакивал с мест, кто-то захлопал, и каждый пребывал в безудержной радости. Лица украшали безумные, дикие улыбки.

— Кровавый Император! Кровавый Император! — снова скандировала толпа.

Первый раз Эверлинг убил, когда ему было семь. Это произошло случайно. Тогда он не умел управлять своей магией и едва ли знал о ее существовании. Не понимал, что и как сделал. Ему просто было необходимо защититься от мужчины, захотевшего его облапать, похитить, избить. Или что-то намного хуже. Эверлинг не догадывался.

Он не смотрел на бездыханное тело паренька. Бесчувственный взгляд устремился куда-то перед собой. В голове мелькали картинки: темная подворотня на окраине Партума в холодную зимнюю ночь. Он сбежал из приюта в день, когда на улице поднялась жуткая метель. Огромные белые хлопья вместе с ветром чуть не сбивали с ног. Он прислонился к стенке и старался найти какое-то укромное место, чтобы переждать плохую погоду, а после снова отправиться в путь. Куда идти, он не знал, зато был уверен, что в приют не вернется — там слишком много правил, слишком много брошенных детей, слишком много боли. А боли ему хватало и своей.

Маленький Эверлинг спрятался около мусорных баков. И, как назло, какой-то мужчина решил заглянуть именно туда. Эверлинг надеялся остаться незамеченным. В воспоминаниях незнакомец улыбнулся и потянул к нему руки. Открывал рот, что-то говорил, но слова напрочь стерлись из памяти. Может быть,

мужчина и не желал ничего плохого, может быть, хотел помочь — сейчас об этом никто не узнает.

Чувства, которые накрыли маленького Эверлинга в тот момент, оказались настолько сильными, что он не смог их контролировать. Мужчина коснулся его плеча, спины, хотел притянуть к себе. Был это страх, ярость или желание защитить себя, Эверлинг тогда не понял, но почувствовал прилив небывалой до этого силы, которую не хотел и не мог сдерживать. Она пламенем зародилась в сердце и распалась, пока не хлынула наружу плотным потоком.

Спустя несколько недолгих мгновений мужчина лежал мертвым, а маленький Эверлинг был в его крови.

Он моргнул. Это воспоминание не было его кошмаром, но именно оно всплывало в памяти каждый раз, когда он наносил последний удар и заканчивал бой.

Ирмтон Пини вышел на середину арены и гордо провозгласил:

— Победил Эверлинг Рагнар, Кровавый Император!

Эверлинг чувствовал, как внутри закипает ярость. Опять. Она жаром опаляла внутренности и придавала силы. Он знал, что в любой момент может убить Ирмтона, раскидать охранников и оказаться на свободе. Но что делать на свободе в городе, где все его ненавидят, Эверлинг не понимал. Как и не понимал

